

Р. В. Болдырев, Е. М. Кончакова

ШВЕДСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ НАЧАЛА XVII в. В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

События, связанные с пребыванием шведов в Великом Новгороде эпохи Русской Смуты начала XVII в. и, в частности, правление наместника Якоба Делагарди (1611–1615), широко представлены в отечественной историографии¹. Вместе с тем оценки, данные им российскими историками, долгое время не отличались разнообразием и, за редким исключением², сводились к определению «шведская оккупация» или «шведская интервенция». Примечательно, что этот историографический штамп образовался не в советскую эпоху – он лишь воспроизводился в советских публикациях, – а в дореволюционный период, когда, по мнению А. А. Селина, он использовался в качестве идеологического мотива, утверждавшего значимость воцарения Романовых³. В своих исследованиях дореволюционные российские и советские историки опирались, в основном, на документальный фонд времен первых Романовых и летописи, не помышляя о расширении своей источниковой базы за счет зарубежных, например, шведских, письменных памятников⁴.

Стоит также заметить, что интерес к проблематике, связанной со шведским присутствием в Новгороде, до недавнего времени был не слишком велик – в фокусе исследовательского интереса пребывала, как правило, польская интервенция – и лишь с конца XX в. ситуация стала заметным образом меняться. История Новгорода начала XVII в. в настоящее время привлекает не только российских, но и зарубежных исследователей, что способствует появлению научных работ различной направленности, причину чего мы видим в интересе, который современная европейская наука питает к проблемам межгосударственных контактов раннего Нового времени, природе международных конфлик-

¹ Историографические обзоры, см.: *Берх В.* История Михаила Федоровича. Ч. 2. СПб., 1832; *Лыжин Н. П.* Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857; *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. М., 1959.

² Так, например, Г. А. Замятин был одним из немногих, кто не склонялся к подобному мнению (*Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913).

³ *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 155–157.

⁴ *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950; *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. М., 1959.

тов и механизмам их урегулирования⁵. Казалось бы, лидерами разработки проблематики, касающейся истории русско-шведских отношений, должны стоять шведские историки, имеющие доступ к так называемому Новгородскому оккупационному архиву (НОА)⁶, основному документальному фонду по этой теме, однако существенного вклада зарубежная (шведская в том числе) историография в ее разработку не вносит. Основное внимание к изучению названного фонда проявляют филологи, которые ставят перед собой иные, нежели историки, исследовательские задачи⁷.

Вместе с тем доступность материалов НОА⁸ позитивно сказалась на работе российских историков, которые получили возможность рассмотреть шведское присутствие в Новгороде сквозь призму источников, напрямую связанных с деятельностью шведской администрации, и сопоставить их данные с показаниями русских памятников. Это явилось причиной появления ряда интересных публикаций, которые затрагивают различные аспекты присутствия шведов в Новгороде; некоторые из них оригинальны в плане концептуальных построений.

Внимания заслуживают статьи Е. И. Кобзаревой (Институт российской истории РАН, 1963–2014)⁹, сведенные воедино в монографии

⁵ Нордландер И. Оккупационный архив Новгорода 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). 6 (16), СПб., 1997. С. 285–289; Сундберг Х. Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611–1617 гг. // НИС. Вып. 6 (16), СПб., 1997. С. 273–278).

⁶ Ockupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403.

⁷ Коллектив исследователей, возглавляемых проф. Б. Нильсон, более десятилетия вел работу над созданием каталогов Новгородского оккупационного архива. Подчеркнем, что в первую очередь шведских ученых интересует язык Новгорода XVII в. Л. Нордкивист специально рассматривает язык челобитных, сохранившихся в архиве. См., например: *Nordlander I., Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation // Stockholm Slavic Studies. Vol. 24. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1995. P. 139–156.* Последние работы Э. Лёфстранд посвящены, кроме всего прочего, людям Новгорода и новгородских пригородов – женщинам Новгорода начала XVII в., старорушанам, другим категориям населения: *Лёфстранд Э. Женские судьбы Смутного времени // Чело. 2003. № 1. С. 69–74.* Предметом исследований П. Амбросиани являются топонимы дозорных книг, хранящихся в Новгородском оккупационном архиве: *Ambrosiani P. Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: Дудоровский погост // Swedish contribution to the 13th International Congress of Slavists. – Ljubljana: Lund, 2003. P. 15–21.*

⁸ Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617 / Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2005; Series II. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2009.

⁹ См.: *Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). 2003. С. 339–381; Кобзарева Е. И. Новгородское дворянство на службе у шведов в период оккупации города (1611–1615 гг.) // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивные и музейные исследования. М.: ГИМ, 2002; Кобзарева Е. И. Новгородские служилые сословия в период оккупации города // ПНиНЗ. Ч. 1. Великий Новгород, 1999; Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 16–28; Кобзарева Е. И. Противостояние Пскова и Новгорода в период*

2005 г.¹⁰ Особенностью ее подхода является отношение к шведам исключительно как к оккупантам, а сотрудничество с ними новгородцев как предосудительная измена. По ее мнению, шведы навязали России свою помощь, намереваясь получить за свои «услуги» территориальные приобретения¹¹. Исследовательница полагала, что в Новгороде существовала прошведская группировка, состоявшая в основном из представителей новгородской элиты и имевшая сторонников в центральном руководстве. Эта «шведская партия» служила опорой владычеству шведов в Новгородской земле и являлась носителем сепаратистских настроений, которые отчетливо проявлялись в Новгороде и неуклонно нарастали в течение всего «шведского» периода¹². Наместника Якоба Делагарди Е. И. Кобзарева характеризует как коварного и расчетливого человека, который «прикормил» к себе новгородских бояр, опасавшихся за потерю своих земельных владений¹³, но вместе с тем отмечает, что «заинтересованность Я. Делагарди в пребывании в Новгороде, отсутствие у Стокгольма средств на ведение войны, разыгранный шведским командиром фарс с возведением шведского королевича на престол, лояльное отношение новгородской элиты к шведам при отсутствии стабильной власти в стране и в условиях частого нападения казаков – все это предопределило возможность для шведов несколько лет удерживать город»¹⁴. В работах Е. И. Кобзаревой затрагивалась также тема борьбы за Московский престол шведского королевича Карла Филиппа (1601–1622), воспроизводились биографии отдельных новгородцев и характер их взаимоотношений со шведами.

Если Е. И. Кобзареву можно считать сторонницей традиционного подхода к проблемам новгородской Смуты, то принципиально другой подход к режиму шведского правления в Новгороде демонстрирует А. А. Селин (Высшая школа экономики, Санкт-Петербург), который в своей исследовательской работе использует объемный комплекс источников как русского, так и шведского происхождения¹⁵. В своей моно-

Смуты // Псков в российской и европейской истории (К 1100-летию летописного упоминания). Псков, 2003; *Кобзарева Е. И.* Новгородское дворянство в период Смуты: опыт реконструкции конкретных биографий // *Новгородика*, 2006.

¹⁰ *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.

¹¹ Там же. С. 3–4.

¹² Там же. С. 111–112.

¹³ Там же. С. 242–243.

¹⁴ Там же. С. 388.

¹⁵ См. например: *Селин А. А.* К происхождению приказной бюрократии Великого Новгорода в 1611–1617 годы // *Генеалогия на Русском Севере: история и современность*. Архангельск, 2003; *Селин А. А.* Новгородцы и шведы в начале XVII века. Разыскания в Государственном архиве (Стокгольм) // *Северный модерн. Диалог культур*. СПб., 2005; *Селин А. А.* Об «изменах» в Новгороде 1611–1616 гг. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2003. № 1 (11); *Селин А. А.* Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // *Мифология и повседневность*. Вып. 2. 1999; *Селин А. А.* Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 г. // *Palaeoslavica*. Vol. 13. 2005. № 1; *Селин А. А.* Таможенная книга Невекого устья 1616–1618 гг. // *НИС*.

графии он довольно резко критикует позицию Кобзаревой, упрекая ее, в частности, в незнании источников¹⁶, и при этом делает любопытный вывод относительно характера взаимоотношений шведов и новгородцев, в котором он склонен видеть политический альянс, основанный на длительном, вековом опыте взаимодействия двух соседних народов и родственных культур. Оба государства только пережили важные этапы своего становления – Реформация в Швеции, религиозные реформы XV – начала XVI в. в России, и в условиях фактического распада российской государственности для новгородцев естественным было тянуться к ближайшим соседям, невзирая на то, что те зачастую выступали в роли их врагов¹⁷. Приход шведов и соглашение с Делагарди, на взгляд Селина, были восприняты новгородцами как установление твердой власти и окончание вызванного Смутой беспредела. Альянс выглядел следующим образом: порядок поддерживали шведские военные гарнизоны, а обеспечение шведских войск всем необходимым брали на себя новгородцы, и эта договоренность строго соблюдалась. В Делагарди Селин видит умного политика, который не завоевал, а законным образом, в соответствии с договором, занял Новгород с прилегающими землями в счет невыплаченного шведам жалования. Одним из доказательств партнерских отношений новгородцев и шведов Селин считает высокий уровень социальной мобильности в среде новгородского населения, которая прослеживается по документам даже среди обычных горожан и вряд ли может характеризовать настоящий оккупационный режим. В контексте данной трактовки уместен вопрос: почему же альянс, основанный на компромиссном соглашении, все же был расторгнут? Автор справедливо полагает, что кризис этого альянса наступил тогда, когда шведы стали увеличивать количество войск, которые находились на содержании новгородцев, а те, со своей стороны, поняли, что шведский принц Карл Филипп, которого шведы прочили на московский престол, не собирался принимать православие, из-за чего его кандидатура перестала быть привлекательной. Итогом вышеназванного альянса стал Столбовский мир¹⁸.

Позицию А. А. Селина поддерживают и некоторые другие отечественные историки. В данном контексте следует упомянуть работы Г. М. Коваленко (Новгородский государственный университет), который начал изучение указанной проблематики еще в советский период¹⁹ и в своих ранних работах предоставил систематизированный обзор рус-

Вып. 10 (20). 2005.; *Селин А. А.* Тесово и Тесовская волость: некоторые итоги изучения // Дивинец Старолadoжский. СПб., 1997 и пр.

¹⁶ *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 205–213.

¹⁷ Там же. С. 10–11.

¹⁸ Там же. С. 694–695.

¹⁹ *Коваленко Г. М.* Русско-шведские отношения в XVII веке: учебное пособие по спецкурсу для студентов историко-филологического факультета. Петрозаводск, 1982; *Коваленко Г. М.* Договор между Новгородом и Швецией 1611 года // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 131–134; *Коваленко Г. М.* Русские глазами шведов (XVI–XVII века) // Славяне и их соседи: Этнопсихологический стереотип в средние века. 1990. С. 65–73.

ско-шведских отношений начала XVII в. в политической, торгово-экономической и культурной сферах. В последующих работах он существенно расширил круг своих наблюдений. Так, например, в своей книге «Кандидат на престол»²⁰ он подробно рассматривает военную деятельность Делагарди в России²¹. Само пребывание шведов в Новгороде Г. М. Коваленко характеризует как «военное присутствие»²².

Двоякой позиции в своих работах придерживается Я. Н. Рабинович. Исследователь занимается, преимущественно, просопографией и изучением истории малых городов севера Руси в период Смуты. В монографии, вышедшей в свет в 2013 г.²³, Я. Н. Рабинович употребляет термин «шведская интервенция»²⁴, которая характеризует военные действия шведов в России с 1610 г. Однако упоминает автор и о «новгородско-шведском альянсе»²⁵, который, по его мнению, относится к отношениям шведов и новгородцев с момента заключения договора от 25 июля 1611 до начала 1613 г. Несмотря на выделение промежутка сотрудничества новгородцев со шведами, автор все-таки придерживается традиционного подхода к определению шведского присутствия в Новгороде, о чем свидетельствуют неоднократно употребляемые в работе понятия «шведская интервенция»²⁶ и «шведская оккупация»²⁷. В более поздней работе 2015 г.²⁸ позиция Я. Н. Рабиновича остается прежней, однако меняется характер изложения событий новгородской Смуты. Автор старается избегать употребления термина интервенция, заменяя ее словосочетаниями «шведский плен»²⁹ и «шведская оккупация»³⁰. Активное цитирование и использование работ Г. А. Замятина, А. А. Селина и Е. И. Кобзаревой свидетельствуют о том, что Я. Н. Рабинович не является сторонником лишь одного подхода, а занимает некую середину в определении понятия шведского присутствия в Новгороде в начале XVII в.

Внимание административным вопросам, касающимся шведского режима правления, уделяет В. А. Аракчеев³¹. Несмотря на небольшой

²⁰ Коваленко Г. М. Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX вв. СПб.: Блиц, 1999.

²¹ Там же. С. 47–57.

²² Коваленко Г. М. Великий Новгород 1611–1617. Между Москвой и Стокгольмом (по материалам Государственного архива Швеции) // Наукові записки Інституту української археографії та джерелознавства НАН України. Т. 19. Киев, 2009. С. 172.

²³ Рабинович Я. Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время. В. Новгород, 2013.

²⁴ Там же. С. 3.

²⁵ Там же. С. 7–8.

²⁶ Там же. С. 85.

²⁷ Там же. С. 203.

²⁸ Кабанов А. Ю., Рабинович Я. Н. Смутное время начала XVII века: судьбы участников. Иваново, 2015.

²⁹ Там же. С. 80.

³⁰ Там же. С. 123.

³¹ Аракчеев В. А. К изучению тяглых обязанностей посадского населения Новгорода в 1611–1616 гг. // Стокгольмская Новгородика. 2012. С. 86–93.

объем статьи, он сумел воспроизвести основные черты и целевую направленность фискальной политики Делагарди в Новгороде. Ценным представляется и сопоставление новгородской ситуации с положением дел в других русских городах, хотя основные виды налогов, их объем и реакция населения на проводимую шведами фискальную политику представлена им, как представляется, недостаточно полно. Отношение к шведам у автора нейтральное, и четких оценок шведского присутствия в Новгороде он не дает, что характерно и для других его работ³².

Другое направление изучения шведской административной практики избрал Д. А. Рыбаков³³. Он описывает два судебных инцидента, которые произошли с дьяком Иваном Тимофеевым. Ценной информацией является тот факт, что дела были сфабрикованы, однако подтасовкой дел занимались сами новгородцы. Это говорит о том, что шведская администрация, в целом, не устранила новгородцев со своих должностей и доверяла им ведение судебных дел. Автор опять-таки смотрит на проблему с русской стороны, а основной уклон делает не на суть судебной системы, а на личность Ивана Тимофеева и связанные с ним обстоятельства. Оценку шведскому присутствию в Новгороде автор также не дает.

Другим исследователем, занимающимся изучением судебной системы Новгорода, является Н. Б. Безус³⁴, в сфере интересов которой находится процесс становления русской (российской) судебной системы как таковой. В своих немногочисленных работах она выявляет ее поэтапные изменения, рассматривает характер судебных пошлин и их этимологию, занимается проблемой развития процессуального порядка. К сожалению, ее реплики, касающиеся принятого шведами порядка и представленные в ряде статей, крайне немногочисленны и малосодержательны; к тому же она избегает оценок шведского присутствия в Новгороде, ограничиваясь применением устоявшегося в отечественной историографии термина «оккупация».

Стоит заметить, что на настоящий момент отсутствуют фундаментальные труды, посвященные деятельности шведских властей в Новгороде; их заменяет масса статей по отдельным аспектам темы и рассматривающие ее под разными углами зрения. По вопросу о швед-

³² Речь идет о статье: *Аракчеев В. А.* Земская инициатива и фискальное принуждение в России в 1606–1616 гг. // *Российская история.* 2012. № 5 (сентябрь–октябрь).

³³ *Рыбаков Д. А.* Судебная эпопея дьяка Ивана Тимофеева: коррупция и государственный аппарат в Новгороде XVII века // *НИС.* Вып. 12 (22). М.: СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 169–182.

³⁴ *Безус Н. Б.* Суд и процесс в Новгороде в начале XVII века // *Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого,* 2006. С. 93–98; *Безус Н. Б.* Из истории становления процессуального права России (на примере Новгорода XVI–XVII вв.) // *История государства и права.* М.: Юрист. 2010. № 5. С. 34–37; *Безус Н. Б.* Из истории становления судебной власти в России (на примере Новгорода) // *Вестник. Государство и право.* 2011. № 14. С. 43–52; *Безус Н. Б.* История исполнительного производства на примере материалов берестяных грамот Новгорода XI–XVI веков // *Практика исполнительного производства.* 2011. № 5. С. 16–21.

ском кандидате на русский престол высказался, например, В. Н. Козляков³⁵. Изучению осады Новгорода и военной историей новгородской Смуты занимаются Л. И. Петрова, И. Ю. Анкудинов и В. А. Попов³⁶.

В заключение, подводя итоги сказанному, отметим, что на современном этапе представители отечественной историографии, получив доступ к зарубежным архивным фондам, имеют шанс существенно расширить свои представления о новгородской Смуте и роли в ней шведов и, если судить по количеству посвященных этой теме работ, не преминули ею воспользоваться, хотя в общем объеме трудов по истории Смутного времени начала XVII в. ее новгородский аспект по-прежнему уступает польско-литовскому. Обращение российских историков к документам НОА способствовало появлению детальных и содержательных работ, касающихся административной практики шведской администрации в Новгороде, хотя говорить об исчерпанности темы пока невозможно. Чрезвычайно важным представляется постановка вопроса о характере шведского присутствия на северо-западе России и правомочности использования термина «шведская оккупация (интервенция)» и завязавшаяся по этому поводу дискуссия. Два полярных подхода к решению проблемы – утвердительный (Е. И. Кобзарева) и отрицательный (А. А. Селин) – оформляют широкое поисковое пространство, в пределах которого осуществляют свои исследования современные российские историки. В настоящее время большинство их работ освещают отдельные моменты, имеют «мозаичный», несистемный характер, что создает насущную потребность в появлении фундаментальных обобщений, в которых будет задействован весь комплекс русских и зарубежных источников, а также последние достижения российской и мировой исторической науки. Это даст возможность разрешить вопрос о природе шведского присутствия в Новгороде эпохи Смуты.

³⁵ Козляков В. Н. Двор в поисках монарха в 1612 году (забытый источник о Новгородском посольстве к «совету всея земли» в Ярославле) // Верховная власть, элита и общество в России в первой половине XIV – начале XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. М.: ДБР, 2009. С. 72–74.

³⁶ Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А. О датировке подосновы плана осады Новгорода шведами в 1611 году // НИС. Вып. 10 (20). 2005. С. 313–321.